

Ирина Андрианова

Ошибки культа молодости

Ирина Андрианова

Ошибки культа молодости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66656252

SelfPub; 2021

Аннотация

Молодость – цель жизни в любом возрасте. Молодые стремятся максимально продлить ее, по возможности растягивая во времени все жизненные этапы. Старики стесняются старости и пытаются доказать, что они еще вхожи в мир молодых.

Содержание

Старение молодости и омоложение старости	6
Старость как трагедия	10
Молодость как смысл	13

Ирина Андрианова

Ошибки культа молодости

Многие наверняка замечали одну забавную несуразность голливудского кастинга (впрочем, не только голливудского). С одной стороны, возрастные рамки исполнителей главных ролей расширяются почти до невозможности. Бодрых молодых одиночек, готовых к романтическим приключениям, могут играть актеры вплоть до 40 лет. При этом актеры для второстепенных ролей «зрелого» диапазона нередко подбираются настолько юными, что образ старшего поколения на экране оказывается моложе героев-любовников.

Так, отцов и матерей детей-подростков могут играть актеры, едва достигшие 30 лет. Будь они реальными людьми, то производить на свет своих детей им пришлось бы в 17-18 лет, что сейчас для реального европейского и американского (да и не только) обывателя считается признаком чуть ли не социального неблагополучия. Сегодня стандартный детородный возраст в среде миддл-класса – 32-37 и более лет, и родителями подростков эти люди станут в лучшем случае к полтиннику. До возраста дедушек и бабушек они, возможно, и вовсе не доживут. Ведь их благополучные чада тоже пожелают до 35 лет жить «для себя», не имея досадных обременений в виде детей. Однако посмотрите на моложавых кинобабушек и кинодедушек! Им, имеющих по сцена-

рию внуков-подростков, на вид не более 55-60 лет! Получается, что киноидеал – это вечно молодой человек, который каким-то образом проскочил стадию раннего родительства и воплотился уже в окружении подросших детей, а то и внуков. Впрочем, как олимпийский бог.

С точки зрения кинобизнеса, конечно, все объяснимо. На главные роли продюсеры стремятся привлекать «звезд», а чтобы достичь этого уровня, актеру требуется время. Отсюда – 35-летние и более главные герои и героини. Напротив, для второстепенных ролей суперзвездность не нужна, и тут уже в абсолют возводится критерий молодости. Чем моложе актер, тем лучше, и не страшно, если мама подростка выглядит его старшей сестрой, а «бабушка» – чуть старше мамы. Старение – однозначно порок, показывать в кино стареющих и увядающих людей – неприлично, если только это не оправдывается звездным статусом актера. Особенно ярко это проявляется в рекламе, где звезд обычно нет (точнее, есть, но тогда это отдельный жанр, где звезды как бы «играют» самих себя). Так, в рекламе детских и семейных товаров фигурируют нереально молодые родители, которым под стать изображать юношей. Аудитория спокойно проглатывает эту условность, ничуть не смущаясь, что сама она в своей массе не пожелала бы обременяться потомством столь рано. При этом, если в рекламе покажут реальное соотношение возрастов в статистической семье (например, 45-летние родители и 10-летние дети), это вызовет отторжение.

Старение молодости и омоложение старости

Однако это противоречие характерно не только для шоу-пространства. Люди желают быть молодыми родителями, однако не намерены платить за это тяготами раннего деторождения. Как же так? Все просто: молодость настолько притягательна, что человек не желает с ней расставаться. Оттого-то и пытается максимально продлить ее, по возможности оттягивая переход в зрелую фазу. Если раньше 35-40-летние пары, впервые вступающие в брак, были редкостью, и объяснялось это сложными жизненными обстоятельствами, то сегодня это стандартная статистика. Подборки свадебных фото полны увядающих невест и лысеющих/полнеющих женихов (что поделаешь, 35 лет – это не 20). Однако, намеренно отказываясь от юношеского брака, брачные партнеры стараются стилизовать юность. Популярная эстетика подвенечных нарядов по-прежнему – бальное платье а ля принцесса и девичья фата, которая нелепо смотрится на явно поживших женщинах. Рекламные фото свадебных коллекций представляют красавцы-модели обоих полов, пышущие юностью, хотя зрителю очевидно, что в жизни такие ранние союзы (во всяком случае, в благополучной среде) почти не встречаются. Даже браки 20-летних, наверное, скоро будут смотреться девиант-

но. «Мы должны сначала встать на ноги», «мы должны быть уверены друг в друге», хором твердят пары, уже несколько лет перед тем живущие вместе, причем во вполне комфортабельных условиях. Какой же еще «уверенности» они ждут?

Причина тут, очевидно, в ином. Средняя продолжительность жизни в благополучных странах пока что неуклонно растет. В итоге, чтобы как-то занять «лишние» 30-40 лет (оставшиеся после того, как дети выросли), людям волей-неволей приходится растягивать во времени все жизненные этапы. Сначала продлевается лет на 10-15, аж до 35 лет, фаза беззаботной юности. Потом, если все идет хорошо и паре стареющих юнцов удастся создать семью, то у них, наконец, рождаются дети. К 55-60 годам дети вырастают, но до внуков по вышеописанной причине еще очень далеко. Достичь статуса бабушек-дедушек паре обычно удастся не раньше 70 лет. Впрочем, в нуклеарных семьях (состоящих только из двух поколений – родители + дети) этот статус – чисто символический: бабушки и внуки встречаются лишь по праздникам. Ничего не поделаешь: экономической основы, которая некогда делала эти узы органичными (необходимость ухаживать за внуками, пока работают их родители, или, наоборот, необходимость ухаживать за престарелыми родственниками в отсутствие пенсионной системы), больше нет, а искусственно их не воссоздать.

В результате большинству людей после достижения их детьми совершеннолетия оказывается просто нечем занять-

ся. Нет, не то чтобы совсем нечем... Они продолжают работать, зарабатывают деньги на свои путешествия и хобби, затем они предаются своим путешествиям и хобби и т.д.. То есть, миновав фазу родительства, вновь пытаются вернуться к фазе юности, только теперь уже навсегда. Это отчасти удается. Благо, медицина в богатых странах (или в бедных странах, но для богатых людей) действительно позволяет сохранить здоровье надолго. И вот веселые пенсионеры с безупречными вставными зубами выкладывают в соцсети фото из своих многочисленных турпоездок. Кино с готовностью обслуживает этот запрос. Например, появляется типаж оригинальной, восторженной и наивной старушки, которая ведет себя, как капризный ребенок. В пару ей выводится смешной и милый старичок, который, несмотря на морщины и седины, готов заводить романы, как мальчишка. Предполагается, что зритель должен умиляться. Смотрите-де – старики, несмотря на годы, чувствуют себя молодыми, полны оптимизма, жизнелюбия и т.д. Ого, да они еще и молодым жару зададут! Все верно, и все же... можете мне возразить, но эта вторая, «вечная» юность выглядит немного странно. Почему? Потому что настоящая юность прекрасна именно ожиданием перехода в следующую, важнейшую для человека стадию, а именно стадию продолжения рода. Ее беззаботность, смешная наивность, простодушная вера, готовность отдаться любовному чувству суть ни что иное, как подготовка к грядущему отцовству и материнству. Именно затем приро-

да и наделила нас этими дарами, чтобы с их помощью мы успешнее находили брачных партнеров, а значит – реализовывали ее волю к размножению. Вместе с ожиданием родительства из юности уходит ее главное, сакральное содержание. Стариковская «искусственная юность» выглядит как нелепый эрзац, как фата на перезрелой невесте.

Старость как трагедия

Старость – это всегда несчастье для человека, неизбежное, но оттого не менее горькое. Единственная возможность скрасить печальный удел, единственный шанс старику оправдать свое существование – это возможность передать свой опыт молодым, стать удобрением, которое сделает молодые всходы сильнее. Значит, старость может украсить только старость – но честная, без шутовской попытки прикидываться молодым. В патриархальном обществе старость была «эстетичнее» (если так можно выразиться), чем сегодня. У престарелого главы большого семейства, у старухи, рассказывающей своим внукам сказки, даже у нищего дряхлого отшельника, который одет в лохмотья и во рту у которого не осталось ни единого зуба – у всех этих архетипов есть своеобразная красота, не говоря уж о величии старых правителей или жрецов. Однако она ушла в прошлое вместе с традиционным укладом, вослед всех его достоинств и недостатков. Нет больше отцов семейств с их правом повелевать своими чадами. А значит, сколь бы длинные бороды не отращивали модники, их притязания на толику патриархальной эстетики (а она таки привлекательна для молодых!) выглядят фарсом. У стариков больше нет ценного статуса хранителя устоев, традиций или, на худой конец, хотя бы семейной казны, которую так вожделеют наследники. Доходы

и уровень жизни молодых сейчас куда выше, и нет смысла пресмыкаться перед пожилыми родственниками. Безусловно, в демократическом укладе масса плюсов, сейчас он – единственно возможный по экономическим причинам, его выбирает сама жизнь и т.д.. Но есть и минусы. И один из них – он отнимает смысл жизни у старшего поколения.

При том, что он-то и продлевает им самую жизнь! Продлевает своим вниманием к человеку, заботой о его правах и жалостью к его слабостям. Он содержит, кормит и лечит стариков, но уже не как гордых патриархов, а как жалких полудетей. Но в отличие от настоящих детей, они никогда не станут взрослыми и сильными. Вот старикам и приходится вести себя, как детям, чтобы соответствовать социальной роли. Им приходится дурачиться, молодиться, наряжаться в модные аксессуары, чтобы насмешить внуков, вступать в браки с соседями по дому престарелых, восходить на Эверест, ставить мировые рекорды и т.п. – а все для того, чтобы строгая молодежь, которая их содержит, умильно воскликнула: ах, какие молодцы! Им умирать пора, а они вон как стараются! Мне возразят, что 80-летние парашютистки и горновосходительницы безусловно заслуживают уважения. Да, это так. И все же в глазах патриархального общества подобное самоутверждение стариков показалось бы нелепым ребячеством. Ведь это, по сути, попытка отрицать свою старость, борьба с судьбой, с вековыми жизненными принципами. Старости оно отводило другие радости. Скупые, но они все

же были: наслаждение общения с многочисленными внуками, возможность передать им свой опыт. Но теперь нет многочисленных внуков, а жизненный опыт бессмыслен, потому что в условиях стремительно меняющегося мира всякое старое знание быстро обесценивается. Сегодня молодежь учит стариков (например, пользоваться оргтехникой, смартфонами или банковскими продуктами), а не наоборот.

Молодость как смысл

Это значит, что сегодня старость – действительно трагедия, без прикрас. Медицина продлевает старику жизнь, но это лишь растянутое на 20-30 лет состояние безвольного потребителя еды, лекарств и телевизионных ток-шоу. Чисто экономически, кстати, старость небесполезна: ведь такой огромный слой потребителей обеспечивает работой молодых. Опять же, это целая армия избирателей, выдающих «правильное» голосование за партию власти, которая их кормит. Но даже в этом случае отдельно взятому старику или старухе трудно убедить себя в том, что он/она действительно нужны обществу. Как статистический слой – да. Но ведь это то же, что быть органическим ботом. Человеку нужно экзистенциальное ощущение нужности, и его неоткуда взять. Если старик еще не совсем потерял разум (в этом случае проблема снимается), то он прекрасно понимает, что смысл имеет только молодость. Поэтому вся совокупность дискурса вокруг геронтологической темы сводится именно к тому, чтобы помочь старикам почувствовать себя молодыми. Во всевозможных социальных кружках их учат подражать чему-либо из мира молодости, совсем как в прежние времена цивилизованные люди учили дикарей читать. И восхищаются ими в той мере, в какой им это удастся. В сети пользуются популярностью истории про стариков и старушек-блогге-

ров, геймеров, рокеров, байкеров, любителей татуировок и т.д.. Среди подростков модно делиться фотографиями своих бабушек и дедушек, которые ради лояльности капризного внучка нарядились в какой-нибудь экстравагантный костюм и делают в камеру смелый «молодежный» жест. Право, они выглядят, как обряженные по-европейски пленные индейские вожди, и вызывают лишь жалость. Пользователи соцсетей ставят тысячи лайков «жизнеутверждающим» фото со свадеб престарелых: она – в фате, он – в элегантном костюме, и они так трогательно целуются! Увы, это фальшь. Да – любящие престарелые пары встречаются. Но гормоны у них все равно уже не те, и они никогда не станут целоваться, как молодые, а тем более – напоказ. И стала бы невеста одевать фату в 80 лет, если бы об этом не попросили, хайпа ради, ее молодые родственницы?

Впрочем, согласимся: старики-спортсмены действительно выбиваются из этого комического жанра. Особенно, если речь идет об опасных для жизни видах типа рискованных прыжков, покорении гор или переплывании Ла-Манша в холодную погоду. Седовласые бунтари, которые им предаются, тоже презирают старость и поют славу молодости, но они не пытаются ее униженно продлить, а уж тем более – вкусить от этого ничтожной славы. Скорее, в ненависти к своему печальному уделу они желают умереть смело и красиво, как полководец на поле боя, капитан на тонущем корабле или поверженный рыцарь у ног своей возлюбленной, в послед-

ний раз выкрикнув ее имя – Молодость!